
РГДБ
2018
Огневушка-
поскакушка

По одноимённому сказу П. БАЖОВА

Диафильм составили
Л. СКОРИНО и В. ВАЖДАЕВ

Художник Ю. РАКУТИН

Редактор Е. КАВТИАШВИЛИ
Художественный редактор А. МОРОЗОВ

Производство студии „Диафильм“
1956 г.

Сидели раз старатели круг огонька в лесу. Четверо больших, а пятый парнишечка. Лет так восьми. Федюнькой его звали.

Давно всем спать пора, да разговор занятный пришёлся. В артёлке, видишь, один старик был. Дедко Ефим. С молодых годов он из земли золотую крупку выбирал. Мало ли каких случаев у него бывало!

Ну, вот... Кончил дедко Ефим рассказ. На месте костерка одни угольки остались, а старатели всё сидят да на эти угольки глядят.

Вдруг из самой серединки вынырнула девчоночка махонькая. Волосёнки рыженькие, сарафанчик голубенький и в руке платочек, тоже сголуба. Подбоченилась и пошла плясать.

У старателей дух захватило. Глядят — не наглядятся, а сами молчат, будто задумались.

Девчонка сперва по уголькам круги давала, потом, видно, ей тесно стало — пошире пошла. Старатели отодвигаются, а девчонка как круг пройдёт, так и подрастёт маленько.

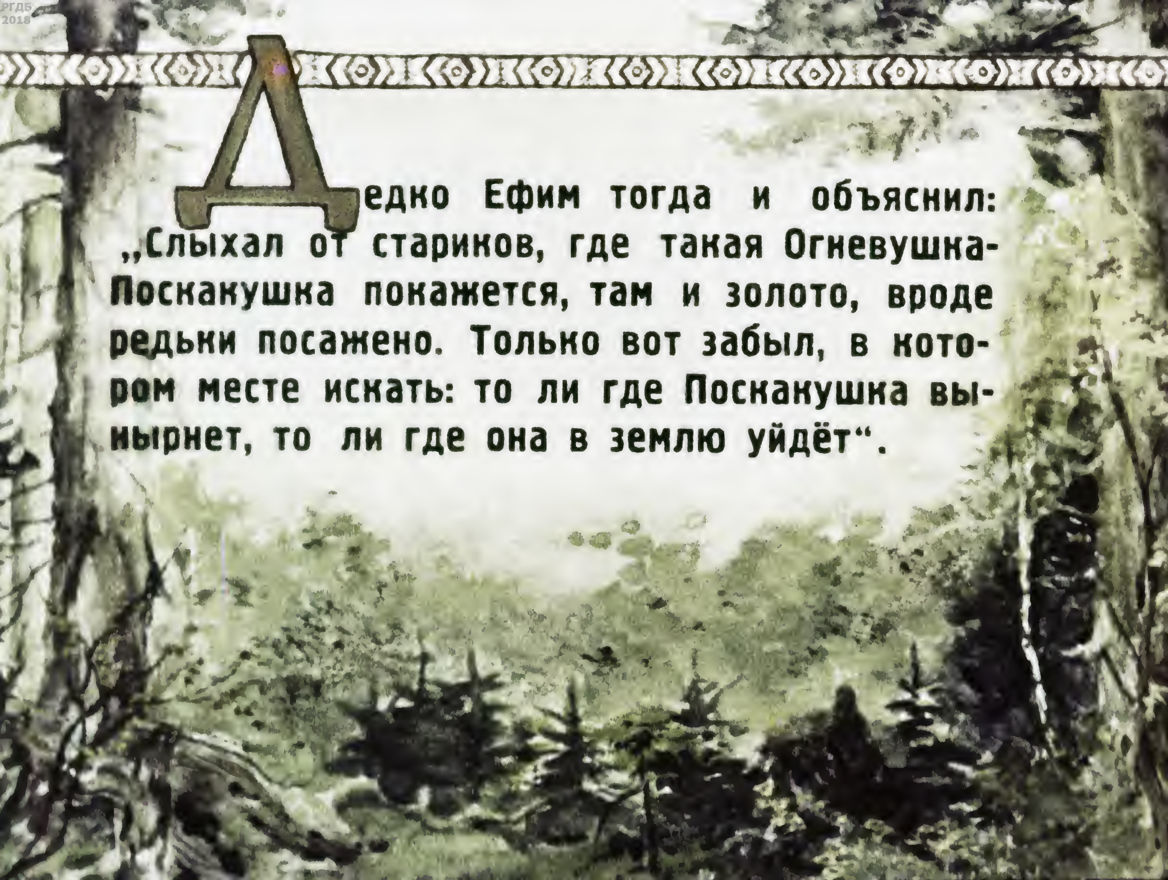
Потом и вовсе за людей вышла и ровненько закружилась, а сама уже ростом с Федюньку. У большой сосны остановилась, топнула ножкой, зубёнками блеснула, платочком махнула, как свистнула: „Фи-ть-ты! Й-ю-ю-у...“

Тут филин заухал, захохотал, и никакой девчонки не стало. Кабы одни большие сидели, так, может, ничего бы дальше и не случилось. Каждый, видишь, подумал: „Вот до чего на огонь загляделся! В глазах зарябило...“

Один Федюнька этого не подумал и говорит: „Дедо, это кто?“ Тут и начали старатели друг дружку расспрашивать, кто что видел.

Дедко Ефим тогда и объяснил: „Слыхал от стариков, где такая Огневушка-Поскакушка покажется, там и золото, вроде редьки посажено. Только вот забыл, в котором месте искать: то ли где Поскакушка вынырнет, то ли где она в землю уйдёт“.

Проснулся поутру Федюнька и видит — на вчерашнем огневище большая дудка вырыта, а старатели стоят у четырёх сосен и все говорят одно: „На этом самом месте в землю ушла“.

Федюнька закричал: „Что вы, дяденьки! Поскакушка под этой вот сосной остановилась“.

На старателей тут сомненье пришло: „Пятый пробудился — пятое место говорит. Был бы десятый — десятое бы указал. Пустое, видать, дело. Бросить надо“. Всё-таки на всех местах испытали, а удачи не вышло.

Дедко Ефим и говорит Федюньке: „Обманное, видно, твоё счастье“. — „Это, дедо, филин помешал. Он наше счастье обухал да обхохотал“. — „Филин тут — не причина“. — „А вот и причина!“ — спорит Федюнька.

Старатели над ними, да и над собой смеются. С той поры старика и прозвали Ефим — Золотая Редька, а Федюньку — Тюнькой Поскакушкой.

Ребятишки заводские узнали, проходу не дают. Федюньке обидно показалось. Он и дрался, и ревел не раз, а ребятишки пуще того дразнят. Хоть домой с прииска не ходи.

Дедко Ефим тоже намается за неделю, и ему идти неохота. С тех пор как суббота — старатели домой, а дедко с Федюнькой на прииске останутся. И всё у них гладко да дружно.

Раз как-то случилось такое дело. Ещё на свету. У балагана огонёк был — от комаров курево. Огонь чуть видно, а дыму много. Глядят — в дыму появилась махонькая девчонка, как тот раз, только сарафанчик потемнее и платок тоже.

И сейчас же филин заухал, захохотал. Дедко Ефим подивился: „Откуда филину быть, коли солнышко ещё не закатилось?" — „Видишь вот, опять филин Поскакушку спугнул".

Дедко Ефим и вздохнул: „О-хо-хо! Видно, нет ничего. Одна это наша думка“.

Только сказал, а из-под дёрна по балагану дым повалил: жерди под дёрном затлели. Вода близко была — живо залили.

Одни дедовы рукавицы обгорели. Дырки на них, как следочки от маленьких ног. — „Что, дедо, — говорит Федюнька, — это тоже думка?“

В воскресенье с утра три ямы вырыли — ничего не нашли. Разворчался старик: „Эх, Тюньша, смеётся над нами Поскакушка! Твоё дело, а только я больше ямы бить не стану. Хватит“.

— „А я бы хоть сейчас за работу“, — вздохнул Федюнька. —
„Ох, и упорный ты, парнишка! — проговорил дедко. — Что
в головёнку попало, то и засело“.

Зима загнала старателей по домам. А Федюнька надел пимишки, шубейку-ветродуйку и зашагал к Косому Броду, где жил дедко Ефим. Избушка его на самом выезде стояла.

А время холодное — самая середина зимы. Подзамёрз наш Федюня. Ну, дошагал всё-таки. Только ему за дверную скобку взяться, вдруг слышит: „Фи-ть-ть! й-ю-ю-у..."

Оглянулся — на дороге снежок крутится, а в нём чуть метлесит клубочек, и похож тот клубочек на Поскакушку.

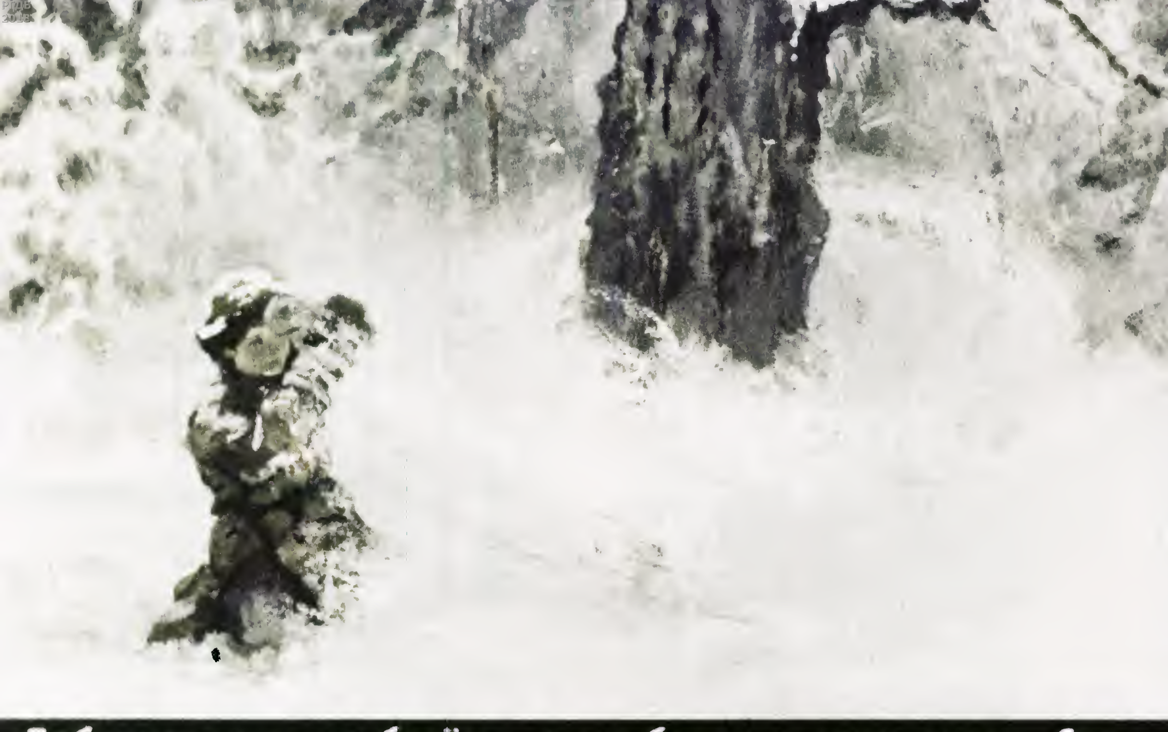
Побежал Федюня поближе разглядеть, а клубочек уж далеко. Федюня за ним — он того дальше.

И забрался в незнакомое место. Глядит — полянка какая-то, а кругом лес густой. Посредине — берёза старая, будто и вовсе неживая. Снегу около неё намело гора-горой. Клубочек подкатился к этой берёзе да вокруг неё и кружится.

Федюнька в азарте-то не поглядел, что тут и тропочки нет, полез по цельному снегу. „Столько, — думает, — бежал, неуж спятиться!“

Добрался-таки до берёзы, а клубочек и рассыпался. Снеговой пылью Федюньке в глаза брызнул. Чуть не заревел от обиды Федюнька.

Вдруг у самой его ноги снег воронкой до земли протаял.
Видит Федюнька — на дне-то воронки Поскакушка.

Усмехнулась ласково и пошла плясать, а снег от неё бегом побежал. Где ей ножку поставить, там трава зелёная да цветки лесные.

Обошла круг — тепло Федюньке стало. А Поскакушка шире круг берёт, сама подрастает, и полянка ширится. На берёзе уж листочки зашумели. Поскакушка припевает: „У меня тепло! У меня светло! Красно летичко!“

Когда ростом с Федюнькой выровнялась, на берёзе птички запели. Жарынь-жара. Шапчонку свою Федюнька давно снял, хотел и шубёнку сбросить. Поскакушка и говорит: „Ты, парень, лучше о том подумай, как назад выберешься!“

Федюнька на это и отвечает:

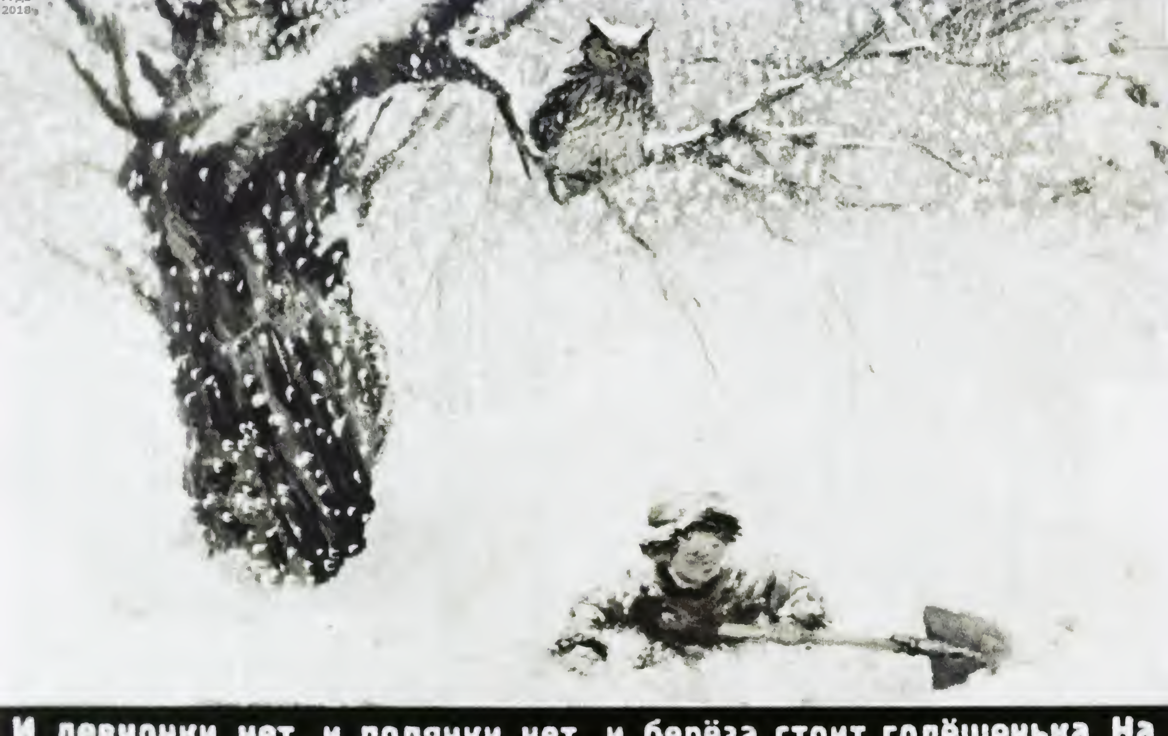
— Сама завела — сама выведешь!

Девчонка тогда и говорит:

— Возьми-ка лопатку. Она тебя в снегу согреет и домой выведет. Только гляди, из рук не выпусти! Да дорогу-то примечай! Ведь придёшь весной-то?

— А как же! Как весна — так и мы с дедком Ефимом тут. Ты тоже приходи поплясать.

Засмеялась Поскакушка, вертнулась волчком и платочком махнула.

И девчонки нет, и полянки нет, и берёза стоит голёшенька. На вершине филин башкой ворочает. Вокруг снегу намело — гора! В снегу чуть не по горло провалился Федюнька.

От Поскакушкина лета только и осталось, что лопата у Федюньки в руках, вовсе тёплая.

Потянула тут лопата Федюньку и сразу из снега выволокла. Сперва Федюнька чуть не выпустил лопату из рук, потом наловчился, и дело гладко пошло. Где пешком за лопатой идёт, где волоком тащится.

Забавно это Федюньке, а приметки ставить не забывает. Это ему тоже легонько далось. Чуть подумает засечку сделать, лопатка сейчас тюк-тюк — и две ровнёшенькие зарубочки готовы.

Привела лопатка Федюню к деду Ефиму затемно. Рассказал Федюнька про случай, а старик не верит. Тогда Федюнька лопатку из сеней принёс. Взял дедко Ефим лопатку, да и углядел — по ржавчине-то золотые таракашки посажены. Целых шесть штук.

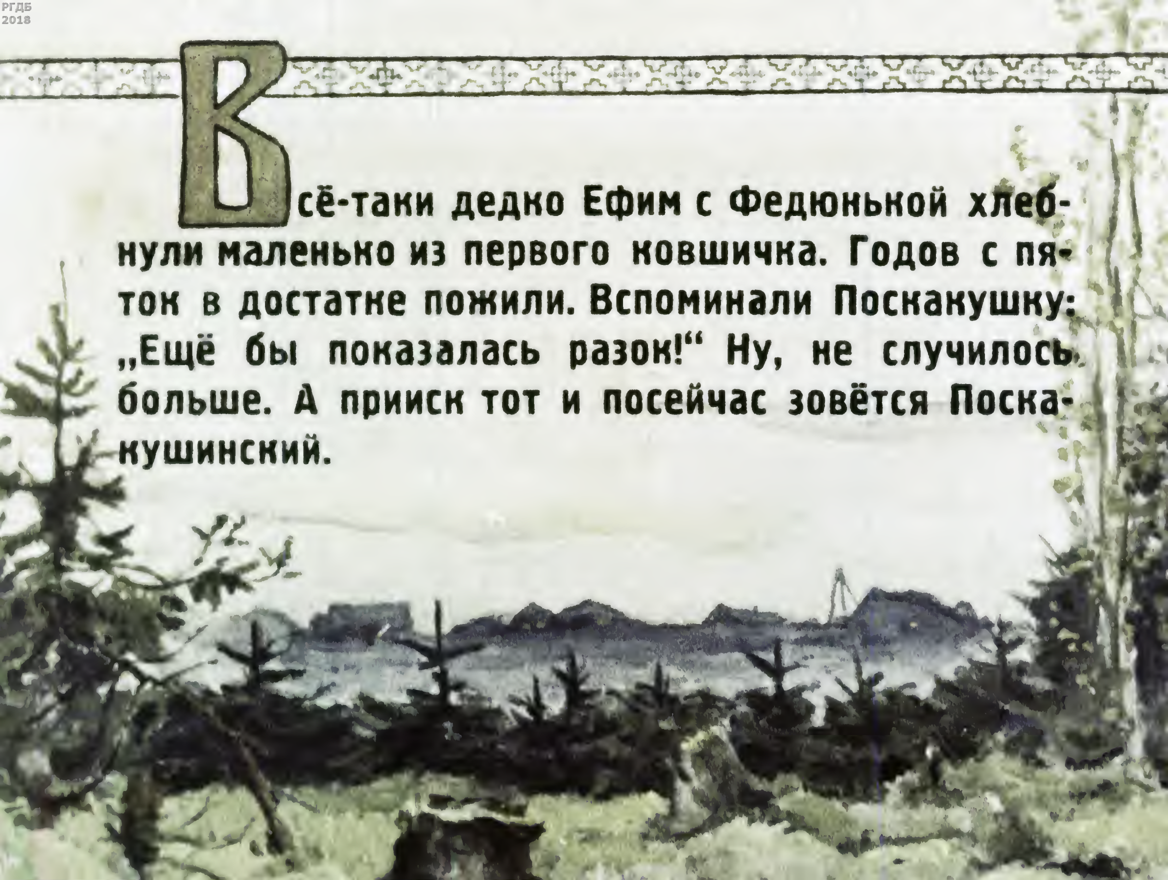
Как весна пришла, побежали к старой берёзе. Ну, и что? С первой лопатки такой песок пошёл, что хоть не промывай, а прямо руками золотины выбирай. Дедко Ефим даже поплясал на радостях.

Прихранить богатство не сумели, конечно: Федюнька — малолеток, а Ефим хоть и старик, а тоже простота. Народ со всех сторон кинулся.

Потом, понятно, всех согнали начисто, и барин за себя это место перевёл. Недаром, видно, филин башкой-то ворочал.

Всё-таки дедко Ефим с Федюнькой хлебнули маленько из первого ковшичка. Годов с пяток в достатке пожили. Вспоминали Поскакушку: „Ещё бы показалась разок!“ Ну, не случилось больше. А прииск тот и посейчас зовётся Поскакушинский.

Конец
диафильма
Д-307-56
Студия „Диафильм"
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7